

КОСОНАНС

ISSN 2412-9984

№ 2 (48-50) 2017

Дмитрий Хворостовский: «Ни за кем не бегал, ни у кого ничего не просил»

Это интервью Дмитрий Хворостовский давал по телефону из Лондона. Оно было напечатано в журнале «Театральный Петербург» в 2008 году в один из приездов певца перед концертом в одном из его любимых городов. Свои концерты он давал в Петербурге чаще в Большом концертном зале «Октябрьский», но, разумеется, были выступления и в Большом зале филармонии, и в Концертном зале Мариинского театра. А в год своего 50-летия он дал грандиозный концерт со своими звездными коллегами в многотысячном Ледовом дворце.

— **За эти двадцать лет, что живете не в России, Вы изменились?**

— Да, но иначе и не могло быть. Я не только расту-взрослею, но и многое приобретаю от того, чем и как жил. Все это влияет на мой характер, мироощущение. Я, конечно, уже совсем не тот человек, который жил тогда в России.

— **Когда Вы возвращаетесь, что кажется Вам неизменным здесь с тех пор, как Вы отсюда уехали?**

— Очень многое. Например, публика в концертных залах — она здесь до сих пор остается самой чуткой. Поскольку для большей части русских людей музыка, в частности, классическая музыка, остается частью жизни — не развлечением и фоном, приносящим легкое одурманивание как вино. Ведь на концертах классической музыки

совсем необязательно только отдыхать — нужно думать и страдать. Восприятие концерта можно считать настоящей работой — ума, сердца. К этому не каждый готов или этого хочет. Многие американцы, например, совершенно серьезно считают, что между классикой и поп-музыкой разницы нет, что все одно — развлечение. Перед русскими, как правило, петь тяжелее, но приятнее и почетнее. Но вот что касается русского языка, то сюда проникло много слов-паразитов с запада.

— **Испытываете ностальгию?**

— Да, вот сегодня, например, я попросил купить «Докторской» колбасы в недавно открывшемся русском магазине. Конечно, какие-то ностальгические чувства есть. Русскому человеку вообще свойственно всегда тосковать по родине. Столько лет прошло с тех пор, как я не живу в

России, как я переехал. Хотя я достаточно часто бываю в России — во всяком случае, не реже, чем в Нью-Йорке, если не чаще.

— **Какое деловое предложение заставило Вас не на шутку задуматься?**

— Предложение исполнить партию Бориса Годунова. Оно было сделано в связи с работой над фильмом-оперой, но пока повисло в воздухе. Я бы очень хотел подготовить такую роль. На оперной сцене я, наверно, никогда не смогу исполнить эту партию, да и не нужно: она написана для баса, а я баритон. Но сама роль кажется мне очень интересной. А мною движет желание попробовать себя в разных амплуа. Позитивный опыт участия в фильме-опере «Дон Жуан без маски» у меня был в 1999 году, где я сыграл и Дон Жуана, и Лепорелло.

— **А сняться в «неоперном» кино предлагали?**

— Несколько предложений обсуждалось. Но я очень занятый человек, а для съемок в кино нужно освободить 2-3 месяца, чего в данный момент я не могу себе позволить. Да и, честно говоря, очень заманчивых предложений, ради которых можно было бы все бросить, не было.

— **Какой репертуар у Вас сейчас в активе?**

— Перечислить все, что пою, я вряд ли сумею. В основном, приходится исполнять много партий в операх Верди. А вот, например, партия Евгения Онегина в Чикаго — в постановке Метрополитен Опера, где мы пели вместе с Рене Флеминг и Валерием Гергиевым в последний раз. С тех пор я не пою партию Онегина и вряд ли буду петь.

— **Почему???**

— Наверно, потому что напелся. Может, лет через двадцать я исполню его снова. Сейчас голова занята другим репертуаром. Мне интересно петь вещи более вызывающие, в частности, Симона Бокканегру, Яго, Риголетто. Следующая моя работа — опера «Эрнани» Верди, безумно сложная и очень интересная. Кроме того, случаются и репертуарные «броски». Буквально перед вашим звонком я разговаривал по телефону с Игорем Крутым, с которым мы делаем очень интересную программу. Нам осталось записать еще несколько песен, которые, в частности, для меня будут как разорвавшаяся бомба.

— **Это что-то эстрадное?**

— С одной стороны, абсолютно эстрадное. С другой, — я там не то что не меняюсь, но все же остаюсь самим собой — со своим голосом, кантиленой, фразировкой, знанием иностранных языков и прочими отличительными чертами. Той работой, которую мы уже проделали, я очень доволен и с большим нетерпением жду концертов, гастрольных туров, записи фильмов и так далее.

Последний концерт Дмитрия Хворостовского в Красноярске

— **Многим оперным певцам хотелось бы исполнять репертуар неоперной территории, куда они не рискуют заходить, чтобы не потерять место в опере. Для этой смелости нужно завоевать имя?**

— Нет, дело вовсе не в завоевании имени. Такая музыка требует особого подхода, особого таланта и определенных навыков. Многие пробовали, но не у всех получается.

— **Если бы не оперная карьера, то какая могла бы быть?**

— Никакой другой карьеры я не представляю. У меня с детства не было выбора. Как в семь лет меня отдали в музыкальную школу, так я и тяну эту лямку. Сначала учился на пианино, потом поступил в дирижерско-хоровое училище, где начал петь соло. В общеобразовательной школе я учился не слишком хорошо. Кроме интереса к музыке был замечен еще интерес к скульптуре. Отец даже сфотографировал мои поделки, которые я, скульптор-анималист, создавал в семь лет. Эти снимки он отнес директору художественной школы, который как будто и не возражал против того, чтобы принять меня туда учиться. Но интонация, с которой директор сказал об этом, моего отца не устроила. И он отвел меня в музыкальную школу. И правильно сделал. Я едва ли не с пеленок пел. У меня был обнаружен музыкальный слух и хороший голос.

— **Что бы Вы ответили на вопрос молодых певцов: «как стать оперной звездой»?**

— Все — с детства. Лет в 14-15 я пел в рок-группах, увлекался рок-музыкой в Красноярске. Хотя и тогда уже любил оперную музыку. Позже, лет в шестнадцать, как только попробовал спеть по-настоящему, я понял, что это — мое призвание. И когда почувствовал, что смогу, что мой голос растет, я отдал все свое время и мысли этой профес-

сии. В оперном театре я начал петь, начиная со второго курса консерватории.

— **Международная карьера — момент встречи с нужным человеком?**

— Многие молодые люди меня спрашивают о том, что нужно сделать, а я не знаю, что им ответить. У меня все получилось своим ходом, честным путем. Я побеждал на всех вокальных конкурсах, в которых участвовал. Ни за кем не бегал, ни у кого ничего не просил, ни на чем не настаивал. Я даже особо не волновался, просто, когда наступал момент выходить на сцену, — я выходил и чувствовал себя королем. Решающим конкурсом стал, конечно, конкурс в Кардиффе, который транслировался по BBC. В тот же день обо мне узнали не только в Англии, но и в Европе, и в мире.

— **Какое место занимает сегодня опера в мире среди прочих искусств?**

— Мне кажется, отношение к опере не меняется с годами. Как был интерес к этому жанру уделом привилегированного общества, так и остается. Чтобы оперу любить, ее нужно хорошо знать, каким-то образом ей увлекаться. Как говорит мой почитаемый друг Андрон Кончаловский, «опера — это музейный жанр», то есть законсервированный. С конца XIX — начала XX века не было написано ничего более-менее адекватно конгениального Чайковскому, Верди, Вагнеру. Опера продолжает существовать как уникальный синтетический театральный жанр, вобравший в себя уже практически все существующие театральные и нетеатральные жанры. За счет этого она продолжает быть интересной. Поэтому у оперы есть определенная перспектива.

Владимир Дудин

Фото: Владимир Корецкий